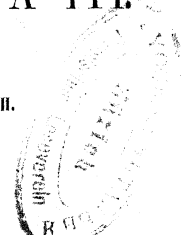
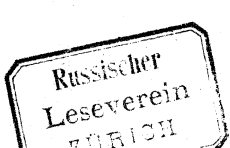
702
1101.
702

БОЛѢЗНЬ и СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА III.

Правдивыя замѣтки.



ЛОНДОНЪ
1902.



Эпитафія Александру III^му *).

Много лѣтъ онъ Русью правилъ
Безъ законовъ и безъ правилъ,
Точно „Грозный“ или Павелъ;
Милліардъ долговъ прибавилъ,
Въ Петербургѣ „крестъ“ **) поставилъ,
Трепетать всю Русь заставилъ,
Руси нещечко оставилъ
И себя лишь тѣмъ прославилъ,
Что Европу обезславилъ,
А Россію обезглавилъ,
Бывши ихъ главой.

*) Ходитъ по рукамъ и переписывается усердно въ Россіи.

**) Новая тюрьма называется „Крестъ“, благодаря своей архитектурѣ.

2A1645

Болѣзнь и смерть Александра III-го.

Если прочитать параллельно, изо дня въ день, русскія и иностранныя извѣстія по поводу болѣзни и смерти Александра III-го, то каждому бросится въ глаза слѣдующее:

Въ то время, какъ заграничный грамотный человѣкъ съ интересомъ ожидалъ роковой развязки — неотвратимой смерти царя, и обсуждалъ: какъ это событіе можетъ отразиться на судьбахъ русскаго народа и Европы, самъ русскій народъ считается послѣднимъ, до кого это могло касаться. Приближающаяся смерть царя обходилась въ русской печати, по приказанію свыше, абсолютнымъ молчаніемъ и лишь въ прибавленіе къ „Правит. Вѣстн.“ какъ-бы мимоходомъ упоминалось о заключеніи врачей отъ 4-го октября по поводу болѣзни царскихъ почекъ, въ выраженіяхъ, очевидно разсчитан-

ныхъ на то, чтобы никто не придалъ ей значенія. Сообщенія изъ Ливадіи обставлялись строжайшей цензурой и для заграничной прессы, но умѣлые репортеры ежедневно оповѣщали міръ о самыхъ интимныхъ подробностяхъ придворной жизни, и сообщенія эти не были вымыслами, а отражали реальную дѣйствительность. До такого полнаго пренебреженія не только къ народамъ Россіи, но даже къ оффиціальной „Россійской Имперіи“ дошло царское правительство, что русскіе послы впервые узнавали о событіяхъ изъ газетъ. „Local-Anzeiger“ въ Берлинѣ черезъ часъ послѣ смерти царя уже получилъ о ней извѣстіе. Половина Берлина въ 7 часовъ знала о смерти царя, и было вывѣшено оффиціальное распоряженіе о закрытіи всѣхъ императорскихъ театровъ, но противъ этого послан. рус. Шуваловъ оффиціально протестовалъ въ 8 часовъ, ибо только въ 9 часовъ получилъ онъ подтвержденіе изъ Ливадіи. Лондонская „Daily News“ въ 4 часа уже вывѣсила плакарду о смерти царя, и баронъ Сталь (русскій посолъ въ Лондонѣ),

самъ ѣздилъ въ редакцію газеты за свѣдѣніями! . . . . Только въ 7 часовъ вечера онъ получилъ оффиціальную телеграмму. Въ тоже время внутри страны сознательно морочили своихъ подданныхъ. 31-го окт. (н. ст.) въ 1 часъ дня петербургскій митрополитъ, въ присутствіи многочисленнаго духовенства, совершалъ въ Исаакіевскомъ соборѣ молебенъ о „выздоровленіи“ Александра III, а извѣстные петербургскіе хирурги Вильгковскій и Выводцовъ уже собирали свои саквуаяжи и спѣшили на вокзалъ, чтобы отправиться въ Ливадію, гдѣ имъ предстояла великая честь бальзамировать бренные останки царя миротворца. Какой смыслъ имѣла вся эта сложная конспирація, аллахъ вѣдаетъ.

По иностраннымъ сообщеніямъ ходъ болѣзни развивался такъ: рѣшившись слѣдовать реакціонной политикѣ и отдавшись всецѣло въ цѣпкія руки Побѣдоносцева и Ко., Александръ III все больше и больше дѣлался нервознымъ, мрачнымъ, подозрительнымъ и нелюдимымъ. Онъ боялся новыхъ людей во дворцѣ,

мирился со всякими недостатками старыхъ служащихъ, видѣть которыхъ онъ привыкъ; старался уединяться въ своей семьѣ, не любилъ даже принимать пословъ и сановныхъ лицъ. Оффиціальные выѣзды, поѣздки, парады и разводы расшатывали его нервы, тѣмъ болѣе, что онъ принужденъ былъ скрывать даже отъ приближенныхъ свой трепетъ. Свою нервность онъ передавалъ и царицѣ, и она уже за долго до смерти своего супруга пользовалась совѣтами профессора Мержеевскаго. Однимъ изъ послѣдствій этой недовѣрчивости ко всему и ко всѣмъ явилось съ одной стороны усиленное стремленіе Александра III „быть собственнымъ министромъ“ по всѣмъ министерствамъ, что привело къ переутомленію отъ перечитыванія массы ненужныхъ оффиціальныхъ бумагъ, а съ другой стараніе скрыть ото всѣхъ болѣзненные припадки, когда начиналось страданіе почекъ. Эту послѣднюю болѣзнь доктора объясняютъ серьезными внутренними поврежденіями, полученными царемъ при „чудесномъ спасеніи“ въ Боркахъ. Брошенный въ насыпи

въ глубокій ровъ, Александръ III былъ вытащенъ изъ подъ обломковъ вагона блѣдный какъ полотно, но хорошо умѣвшій владѣть собой, онъ легко скрылъ жгучую боль въ помятыхъ бокахъ отъ окружающихъ, но не смогъ ее скрыть отъ послѣдствій, которыя при благопріятныхъ условіяхъ не замедлили явиться, осложнить состояніе больнаго и привести къ могилѣ.

Интересно, что вся Европа и по сей день утверждаетъ, что крушеніе въ Боркахъ не слѣпая случайность, а направленный противъ Александра III актъ непрекращавшейся войны на жизнь и смерть между нимъ и крайней русской революціонной партіей „Народной Воли“. Эта неразрѣшенная пока загадка со временемъ выяснится, пока же оставимъ ее въ тѣни забвенія.

Два года до смерти царь заболѣлъ инфлуэнціей, которая пала на подготовленную почву, и съ тѣхъ поръ его здоровье быстро шло подъ гору. Состояніе Александра III умѣло старались скрывать и, — нужно отдать справедливость, что это конспирированіе долго не проникало за стѣны дворца. Всѣ знавшіе и

видѣшіе царя въ этотъ періодъ не ошибались на счетъ существа дѣла, и смерть все больше и больше закутывала чернымъ флеромъ прямаго участника тяжелыхъ годинъ Русской земли. Онъ замѣтно измѣнился, похудѣлъ, сталъ золъ и мстителенъ. Его нервозность, нелюдимость, подозрительность и Сизифовы усилія самому лично обнять всѣ мелочи реакціонной системы усиливались и наконецъ достигли той степени, какая характеризуетъ маніака. Однимъ изъ его самыхъ больныхъ мѣстъ была революціонная партія, которую онъ никогда не забывалъ, и слово „конституція“, котораго онъ боялся больше всего на свѣтѣ. У приближенныхъ явилась даже дерзкая мысль удалить больнаго царя на такое разстояніе отъ Петербурга, чтобы личное участіе его въ управленіи стало физически невозможнымъ. Для пробы было избрано Бѣловѣжье, затѣмъ Спала, Ливадія и, наконецъ, — проектъ, перевезти его на Корфу. Царь противился этимъ совѣтамъ, но, изнуряемый безсонными ночами, все чаще впадалъ въ забытіе и терялъ свою желѣзную волю.

По прибытіи въ Спалу къ нему былъ вызванъ профессоръ Захарьинъ, для котораго предсказать роковой конецъ было вещью далеко не сложной. Онъ нашелъ не только нефритъ (болѣзнь почекъ), но болѣзнь сердца, гранулезное пораженіе въ области почекъ и крайнюю степень нервнаго разстройства.

Заключеніе Захарьина произвело при дворѣ большой переполохъ, и вызванъ былъ на консультацію изъ Берлина спеціалистъ профессоръ Лейденъ. Но и этому знаменитому ученому не пришлось сказать ничего утѣшительнаго, ибо въ концѣ концовъ и онъ подтвердилъ діагнозъ проф. Захарьина, хотя и не смотрѣлъ такъ пессимистически на роковой исходъ болѣзни, какъ это дѣлалъ его русскій коллега. Передъ отъѣздомъ изъ Спалы проф. Захарьину было поручено сказать царю правду относительно положенія его болѣзни и тѣмъ самымъ дать возможность приготовиться къ скорой и неминуемой развязкѣ съ жизнью. Александръ III былъ пораженъ словами Захарьина и перенесъ на роковаго вѣстника то враж-

добное чувство, которое питалъ къ возможности конца своему царствованію. Ужасная трагедія изо дня въ день развивалась, и Daily Chronicle не даромъ сравнивалъ смерть Александра III со смертью Ивана Ильича. Цѣлыя тринадцать лѣтъ трепетать за жизнь, бороться противъ невѣдомой опасности, иногда дѣйствительной, но больше воображаемой, почти всегда возможной въ виду упрямо развиваемой политики свинцоваго гнета; бороться всѣми средствами: изгнаніями, тюрьмой, ссылкой, каторгами, висѣлицами, словомъ всѣми средствами, которыя могутъ быть въ рукахъ рутиннаго самодержца, и вдругъ выслушать неумолимый смертный приговоръ изъ устъ жалкаго жреца науки, которую онъ жестоко гналъ, презиралъ и попиралъ всю жизнь своими царскими ногами! Согласитесь, что это больше, нежели ужасно! . . . .

Привезенный полуживымъ въ Ливадію, онъ опять возымѣлъ желаніе быть царемъ, а не пацiентомъ своего подданнаго и раба проф. Захарьина. Изъ писемъ послѣдняго видно, что Александръ III не захотѣлъ слушаться пред-

писаній профессоровъ, не подпускалъ ихъ даже къ себѣ и больше возлагалъ надежды на отчитыванія ворожей да вонючій ладонъ своего духовнаго отца. Не полагаясь на усердіе молитвъ этого священника, телеграфически былъ вызванъ Іоанъ Кронштадскій, какъ лучшій молельщикъ передъ Богомъ за царскіе грѣхи, но и его усердныя молитвы не были услышаны, и царскія очи все глубже и глубже уходили въ орбиты и на лицѣ все характернѣе ложились тѣни наближающейся смерти. Пренебреженіе къ совѣтамъ врачей было причиной того, что проф. Захарьинъ хотѣлъ уѣхать изъ Ливадіи, но Черевинъ „приказалъ“ ему остаться подъ угрозой задержать его полицейской силой. Объ этомъ инцидентѣ много говорилось въ заграничной печати въ томъ смыслѣ, что въ странѣ, гдѣ возможно оффиціальное насиліе надъ врачемъ, „нечего удивляться какимъ-бы то нибыло актамъ насилія, направленнымъ противъ правительственныхъ представителей власти“.

До самаго конца у кровати умирающаго царя разыгрывались тяжелыя сцены. Умираю-

щій на зло необходимости, не смотря на полную физическую немощь и серьезный застой въ дѣлахъ, — съ упрямствомъ маніака не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлиться своей властью. Онъ засыпалъ надъ бумагами, но самое слово „регентство“ приводило его въ тревогу и крайнее раздраженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ день и ночь его грызла мысль объ удержаніи той-же „самодержавной“ власти за своей семьей и какъ призракъ пугала больное воображеніе возможность близкой конституціи.

Послѣднимъ дѣломъ Александра III-го и его испытанныхъ лакеевъ было — редактированіе будущаго манифеста Николая II-го. Въ немъ, какъ и во всемъ прочемъ, онъ остался вѣренъ себѣ: устами своего сына и наслѣдника онъ не просилъ ему у страны любви, но требовалъ рабской „преданности“.

. . . . . .

Перенесеніе тѣла Александра III въ Петропавловскую крѣпость совершалось въ полномъ порядкѣ: все населеніе Петербурга собралось на это рѣдкое зрѣлище . . . Никакихъ воплей

и плача, какъ говорилось въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ, не было: публика проявляла обыкновенное любопытство толпы, а нѣкоторые „газетные писатели“ правда проливали крокодиловыя слезы, вымучивая изъ себя красивыя и трогательныя фразы и слова, долженствующія хоть сколько нибудь скрасить темное царствованіе Александра III-го. Можно сказать даже, что гирлянды, гербы, лошади, знамена, безчисленные ордена на пестрыхъ лентахъ, короны и войска отвлекали общее вниманіе отъ печальной сущности этого церемоніала, а на личностей, шедшихъ за гробомъ, обращалось болѣе любопытныхъ взоровъ, нежели на самый гробъ. Похороны Тургенева отличались несравненно большей трогательностью, нежели эта оффиціальная вынужденная погребальная церемонія.

Общество всѣхъ классовъ было возмущено распоряженіемъ полиціи, въ силу котораго всѣ окна оставались запертыми, многочисленные балконы были пусты и безлюдны. Чердаки оберегались дворниками, на которыхъ послѣдніе держали строгіе караулы — противъ кого?! ...

Одинъ усердный шталмейстеръ попытался обратиться къ толпѣ съ требованіемъ встать на колѣни, увѣряя, будто въ Москвѣ народъ падалъ ницъ при видѣ колесницы съ гробомъ царя. Никто, конечно этому требованію не подчинился и шталмейстеръ отъѣхалъ ни съ чѣмъ.

Такъ умеръ упрямый, мрачный, подозрительный гатчинскій и бѣловѣжскій затворникъ; — такъ сошелъ съ исторической сцены императоръ Александръ III. Представитель разоренія и бичъ своего народа ради сохраненія „престижа власти“, представитель насилія надъ мыслью, волею и совѣстью милліоновъ людей, возведеннаго въ добродѣтель, погибъ“ подъ непосильною тяжестью созданнаго имъ самимъ и его вѣроломными совѣтниками невозможнаго положенія, при которомъ „отецъ“ 100 двадцати милліоновъ ежеминутно боялся наткнуться на кинжалъ, ядъ, или взрывъ, — боялся даже тогда, когда никакая организація ему не грозила, а эти милліоны „возлюбленныхъ сыновъ“ узнавали, что „вѣнценосный“

затворникъ“ все еще живъ — то по искалѣченію послѣднихъ крупицъ самодѣятельности земскихъ учрежденій, то по возстановленію крѣпостнаго права въ формѣ земскихъ начальниковъ, то по варварскому разоренію тысячъ еврейскихъ очаговъ, то по упрямому стремленію поселить въ связанныхъ съ Россіей національностяхъ — полякахъ, литовцахъ, латышахъ, финнахъ, украинцахъ, грузинахъ — ненависть ко всему русскому, насильственно отнимая у нихъ родной языкъ и саморазвитіе — то по учрежденію недовѣрчиваго, хотя съ практической точки зрѣнія неисполнимаго личнаго контроля надъ благонамѣренностью назначаемыхъ на должности чиновниковъ.

Человѣкъ этотъ умеръ, какъ жилъ, со спокойной совѣстью, съ твердымъ убѣжденіемъ, что — держать милліонную страну, цѣною страшныхъ жертвъ, въ насильственной зависимости отъ ограниченности способностей — есть доброе дѣло, которое онъ старался выполнить со всею добросовѣстностью. И вотъ эта добросовѣстность Кабанихи Островскаго

становится темою для восхваленія „покойнаго“ и предлогомъ для парадной выставки и торжественнаго слѣдованія „тѣла“ черезъ всю Россію-матушку. „Возлюбленный монархъ“, при жизни ограждавшійся отъ любви своихъ подданныхъ шпалерами штыковъ, двойными поѣздами, арестами и т. д. по пути своего слѣдованія насиліями и хитростями, теперь самъ шелъ на встрѣчу ихъ любви, ибо нѣмой прахъ уже не боится никакихъ ея проявленій. Какая возмутительная насмѣшка надъ чувствами тѣхъ, кто, по недоразумѣнію, дѣйствительно любилъ этого человѣка! но даже и мертвый, этотъ свинцовый монархъ не переставалъ давить свою страну: несчастные города, черезъ которые послѣдовало съ останками тѣло, разорены непосильными подневольными расходами на притворные знаки горести; въ Петербургѣ было нѣсколько жертвъ непочтительности къ его памяти, сжегшихъ 2—3 трауерныхъ флага; онъ завѣщалъ своему сыну черевинщину, которая и не замедлила начать свое опричное дѣло развернувшимся флангомъ. Онъ пустилъ

въ ходъ всѣ рессурсы и своего положенія и своего добросовѣстнаго упрямства, чтобы обезпечить несчастной Россіи въ новомъ царствованіи продолженіе стараго; наконецъ онъ становится миѳическимъ центромъ того отвратительнаго культа лжи, который всѣ заинтересованные въ продолженіи самодержавія и безправія старательно вырабатываютъ вокругъ этого якобы „Мужицкаго царя“ и „царя миротворца“.

„Мужицкій царь!“ — царь, отдавшій мужика на расправу земскимъ начальникамъ, положившій его подъ розги Фонъ-Валя, Власовскаго и нижегородскаго Баранова, царь, мучительски преслѣдовавшій тысячи тысячъ крестьянъ-штундистовъ за то только, что они проповѣдуютъ „на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“; царь, прикрывшій своей грязной порѳирой отъ надлежащей отвѣтственности палачей и разорителей мужика — Крыжановскаго, Ливина, Макова, Левшина, со всею тьмою уфимско-оренбургской саранчи, орловскаго Неклюдова, воронежскаго Лутовинова и проч., и проч., царь, показавшій свое благо-

воленіе истязателямъ и убійцамъ кроженскихъ крестьянъ — Клингенбергу, Оржевскому и Ко.; царь, заставившій мужика платить за каждую рюмку водки вдвое, за жалкій керосинъ чадящій въ убогой хижинѣ втрое — это мужицкій царь“!?... Что-же касается „миролюбія“, то кто-жъ себѣ врагъ? Какъ ни плохи были государственныя способности Александра III, но вѣдь и онъ прекрасно понималъ, что въ случаѣ новаго севастопольскаго погрома либо Россію растаскаютъ по клочкамъ сосѣди, либо въ ней будетъ настоящая революція, т. е., въ обоихъ случаяхъ — конецъ нынѣшней династіи!...

Найдутся люди, которымъ весь этотъ новоявленный культъ „образцоваго супруга и отца“, „строгаго исполнителя долга“, черезъ силу подписавшаго какую то бумагу за нѣсколько часовъ передъ смертью, и „миролюбца“, — покажется не стоющимъ вниманія. „Всякій это отлично знаетъ и понимаетъ“, скажутъ они. То-то — не всякій. И если оставить эту рутину спокойно работать, безъ

протеста и разъясненія, то вся та удушливая ложь, которую она культивируетъ, заглушитъ и послѣдніе ростки жизни.

Русскій человѣкъ незлопамятенъ и добродушенъ. Онъ легко, слишкомъ легко прощаетъ причиненное ему зло. Это неразборчивое всепрощеніе, которое есть подчасъ ни что иное, какъ обратная сторона недостатка самоуваженія, еще болѣе усиливается тѣмъ чувствомъ почтенія къ „покойнику“, которое такъ живо въ тысячахъ простыхъ русскихъ сердцахъ. Всепрощеніе есть святое и великое чувство, но лишь до тѣхъ поръ, пока оно не замѣняетъ сознанія человѣческаго достоинства и политическаго пониманія. Всепрощеніе успѣшно — даже необходимо — при наличности какихъ нибудь гарантій тому, что многообразное зло, систематически практиковавшееся досихъ поръ, не повторится. Но вѣдъ мы еще ничего не знаемъ о новыхъ путяхъ, ни даже о томъ, сознаетъ ли оно свои преступленія противъ 120 милліоновъ, населяющихъ Россію. Даже отдѣльныя проявленія личной мягкости,

или попытки административныхъ реформъ на старомъ основаніи не докажутъ намъ еще этого сознанія. Оно будетъ доказано лишь обращеніемъ власти къ народу. Въ виду этого несдержанность и неосмотрительность въ заявленіи почтенія къ памяти Александра III и забѣганія впередъ съ чувствами преданности и любви „грѣхъ противъ духа святаго“!

Закончимъ нашу слабую страничку изъ книги исторіи царствованія Александра III тѣмъ, что повторимъ, потерявъ Александра III, — Россія потеряла одного изъ своихъ злѣйшихъ инквизиторовъ, не щадившаго ни мирныхъ гражданъ, ни науку, ни провосудіе. Все въ Россіи было отдано въ руки судейкиныхъ, все святое и хорошее наказывалось тюрьмой и ссылкой, и торжествовала реакціи темная ночь надъ несчастной страной, на которую, казалось, и лучь жалкаго солнца бросалъ робко свой свѣтъ для того, чтобы изрѣдко освѣщать или темныя дѣла опричины или трупы замученыхъ борцовъ за народное освобожденіе.